

Алекс М

# Измена

БЕРЕМЕННАЯ  
ЛЮБОВНИЦА  
МОЕГО МУЖА

Алекс М

**Измена Беременная  
любовница моего мужа**

«Автор»

2026

**М А.**

Измена Беременная любовница моего мужа / А. М — «Автор»,  
2026

— У меня есть другая женщина.— И давно? — голос вышел чужим, ровным, будто я спрашивала, во сколько он завтра уезжает в командировку.— Арина, это не главное.— Давно, я спрашиваю.— Полгода. — Он опять тронул манжету. — Но дело не в этом. Лада беременна. Вот оно. Имя. Раньше она была никем, безымянной тенью где-то на краю моей жизни, и теперь у тени появилось имя, короткое и звонкое, как пощёчина. Лада. И сразу за именем — то, что отрезало все пути назад, заколотило все двери, через которые ещё можно было выйти к прежней жизни. Беременна.— Я не могу бросить ребёнка, — продолжал он, и в голосе у него прорезалось что-то новое, незнакомое мне, какая-то тошнотворная гордость собой. — Ты пойми. Я должен поступить как мужчина. У меня будет сын. Или дочь. Я не имею права отвернуться.

© М А., 2026

© Автор, 2026

# Содержание

|                                   |   |
|-----------------------------------|---|
| ПРОЛОГ                            | 5 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 8 |

# Алекс М

## Измена Беременная любовница моего мужа

### ПРОЛОГ

Свой бокал я разбила сама. Не швырнула, не запустила в стену, как делают в кино расстрепанные жёны, — просто сжала ножку чуть сильнее, чем держат хрусталь, и тонкое стекло хрустнуло у меня в пальцах, осыпавшись на белую скатерть мелким сверкающим крошевом. Капля крови выступила на подушечке большого пальца, набухла и сорвалась вниз, расплылась на льняной ткани неровным пятном цвета граната. Я смотрела на это пятно и думала только об одном: тринадцать лет назад на этой самой скатерти, новой, пахнувшей магазином, отец поставил передо мной два бокала и сказал, что теперь у меня своя семья и свой стол, за который я буду сажать гостей до самой старости.

Стол был накрыт на двоих. Годовщину мы всегда отмечали вдвоём, без ресторанов, без гостей, без той показной радости, которую вешают на стену вместе с фотографиями. Я готовила сама, с утра, неторопливо, как готовят люди, у которых впереди ещё целый вечер и вся оставшаяся жизнь. Запечённое мясо томилось под крышкой. В высоких подсвечниках ждали своего часа свечи, которые я так и не зажгла. Часы на стене перевалили за девять, потом за половину десятого, и тогда в замке наконец повернулся ключ.

Максим вошёл не так, как входит муж в свой дом после долгого дня. Он вошёл, как входит человек в кабинет к врачу, заранее зная диагноз. Поправил манжету рубашки — этот его жест я выучила за тринадцать лет наизусть, он всегда трогал манжеты прежде, чем сказать что-то, чего говорить не хотел. Я ещё ничего не услышала, но всё уже поняла этим тёмным, животным чутьём, которым жена считает мужа быстрее, чем он сам успевает открыть рот.

— Нам надо поговорить, — сказал он, и не сел напротив, а остался стоять, держась за спинку стула, как держатся за поручень в качающемся вагоне.

— Я тебя ждала с восьми, — я кивнула на остывшие тарелки, на свечи, на это всё. — У нас сегодня годовщина, Максим. Тринадцать лет.

Он молчал. Молчал так, что мне захотелось встать и зажать ему рот ладонью, лишь бы он не произносил того, что уже стояло между нами, заняв собой весь стол, всю комнату, весь воздух в квартире.

— У меня есть другая женщина.

Он сказал это ровно, как сообщают цифру, как зачитывают приговор. Не «прости», не «так вышло», не «я не хотел» — а сразу суть, голую, без обёртки, будто торопился перешагнуть через самое страшное и оказаться по ту сторону, где уже легче.

Я не закричала. Внутри у меня что-то осело вниз и затихло, как оседает снег, сорвавшийся с крыши, — был грохот, а стало тихо и бело. Я взяла салфетку и промокнула палец, на котором всё ещё выступала кровь. Аккуратно сложила её вчетверо. Положила рядом с тарелкой. Руки делали что-то сами, лишь бы не делать того, что хотелось, — не вцепиться ему в лицо, не завывать, не сползти под стол.

— И давно? — голос вышел чужим, ровным, будто я спрашивала, во сколько он завтра уезжает в командировку.

— Арина, это не главное.

— Давно, я спрашиваю.

— Полгода. — Он опять тронул манжету. — Но дело не в этом. Лада беременна.

Вот оно. Имя. Раньше она была никем, безымянной тенью где-то на краю моей жизни, и теперь у тени появилось имя, короткое и звонкое, как пощёчина. Лада. И сразу за именем —

то, что отрезало все пути назад, заколотило все двери, через которые ещё можно было выйти к прежней жизни. Беременна.

— Я не могу бросить ребёнка, — продолжал он, и в голосе у него прорезалось что-то новое, незнакомое мне, какая-то тошнотворная гордость собой. — Ты пойми. Я должен поступить как мужчина. У меня будет сын. Или дочь. Я не имею права отвернуться.

Как мужчина. Я смотрела на него и впервые за тринадцать лет видела не мужа, не того, с кем делила постель и счета, болезни и отпуска, — а чужого, надутого собственным благородством человека, который пришёл в наш дом, чтобы сообщить мне, что наконец-то нашёл себе настоящую жизнь, а эта, со мной, была так, черновик.

— У нас тоже мог быть ребёнок, — сказала я тихо. — Ты помнишь, сколько раз мы...

— Не начинай. — Он поморщился, как от зубной боли. — Не сейчас.

И в этом «не начинай» было всё. Вся правда о том, кем я стала для него за эти годы, — человеком, которого обрывают на полуслове, потому что его боль неуместна, мешает, портит ему минуту торжества. Я молчала. Считала, кажется, удары собственного сердца, тяжёлые и редкие, и думала о том, что в этом доме каждый угол выбирала я, каждую чашку, каждую штору, и что теперь по этим углам будет ходить женщина по имени Лада и трогать мои чашки своими руками.

— Я завтра перевезу часть вещей, — сказал он, направляясь к двери, и уже в дверях, не оборачиваясь, добавил то, после чего во мне закончилось всё, что ещё теплилось: — Ладе нельзя нервничать. Сейчас важно, чтобы у неё всё было спокойно.

Дверь его кабинета закрылась. Я осталась одна за накрытым на двоих столом, посреди свечей, которые так и не зажглись, и остывшего мяса, которое никто не съест. На скатерти расплывалось гранатовое пятно от моей крови. Я смотрела на него и не плакала. Слезы пришли позже, ночью, когда я лежала в нашей — теперь уже не нашей — кровати одна и слушала, как за стеной он собирает чемодан.

А пока я просто сидела и крутила на запястье тонкий браслет, который отец надел мне на руку в день свадьбы. Крутила и крутила, по кругу, по кругу, чувствуя под пальцами знакомый холодок металла, единственное, что во всём этом доме осталось по-настоящему моим.

За стеной что-то упало, глухо ударившись о пол, — наверное, та коробка с его галстуками, которую он вечно ставил на край шкафа. Я вздрогнула от этого звука, как вздрагивают от выстрела, и поняла, что всё это время сидела, не шевелясь, прямая, как струна на скрипке отца, который когда-то учил меня держать спину за любым столом, при любых гостях, в любом горе. «Никогда не позволяй им видеть, что тебе сломали хребет», — говорил он, и я держала спину сейчас, хотя видеть было некому, хотя в комнате не осталось никого, кроме меня и двух тарелок с едой, к которой никто не притронется.

Я встала. Подошла к плите, выключила давно потухшую конфорку под кастрюлей, в которой томилось мясо, — простое, бессмысленное движение хозяйки, которая по привычке наводит порядок там, где порядка уже не будет. Сняла крышку. Из-под неё поднялся пар, тёплый, домашний, и от этой обыденности, от того, что мясо удалось, что оно мягкое, как я и хотела, у меня впервые перехватило горло. Не от его слов. От этого пара. От того, что я старалась.

Телефон на столе зажёгся, дрогнул экраном. Я подошла, посмотрела. Сообщение было не от него и не от подруги. Незнакомый номер, и одна короткая строчка, от которой по спине прошёл холод: «Не делай глупостей, Арина. Так будет лучше для всех». Подписи не было. Я перечитала её трижды, и буквы не складывались, расплзались, как то пятно на скатерти. Кто-то уже знал. Кто-то уже следил за тем, как я приму это, и заранее, на всякий случай, советовал мне не дёргаться. Тогда, в первый вечер, я ещё не понимала, что это значит. Поняла много позже.

Я ещё не знала, что её живот окажется пустым. Я ещё не знала, что женщина по имени Лада придёт в мою жизнь не за любовью моего мужа, а за тем, что построил мой отец, —

за землёй, за стройкой на Юго-Западе, за старыми бумагами, которые отец хранил в нижнем ящике стола и которые делали половину этого дела нашим. Я ещё ничего не знала — ни про поддельные справки, ни про купленного врача, ни про человека, который сидел за всем этим, как паук в центре паутины, и спокойно, вежливо, по-деловому считал доли в чужом наследстве.

Я знала только одно. Сидя за разорённым праздничным столом, с кровью на пальце и пустотой там, где тринадцать лет билось доверие, с чужим предупреждением на экране телефона, я уже понимала всем своим существом: тихо я отсюда не уйду. Эта женщина забрала моего мужа. Но дом моего отца она не получит. И ребёнок, о котором они там думают как о ключе к чужому сейфу, никогда не переступит порог, который строил не он.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.